

Много лет тому назад (а точнее – в 2005-2006 гг.) в нашем городе издавалась трёхтомная антология произведений омских писателей «Сегодня и вчера». И меня в неё пригласили. Я пришёл к Лейферу, принёс свою подборку рассказов. Он сказал мне (как и всякому, кто приходил к нему со своими «делами») просто и без церемоний:

– А-а, здорово! Проходи, садись.

Взял мою подборку и стал её просматривать. А надо сказать, что рассказы у меня были, что называется, разношёрстными: околоармейские, ещё о «моих блаженных и дурачках», да ещё о творчестве. В общем, о том, что всегда, как говорят поэты, волновало и мучило моё сердце.

Я ждал, я переживал: вдруг что-то не подойдёт для антологии, вдруг что-то окажется, как говорят пирожники, несортицей (или, как выражаются нынче, «не формат»).

Он пролистал рукопись и говорит:

– Н-да, я думаю, нормально. Подойдёт, – и как-то весело посмотрел на меня. – А что? Вполне нормальный путь русского

литератора: армия – дурдом – литература, – и засмеялся своим неповторимым смехом (так он смеялся, когда его шутка удалась и её поняли). Смеялся он заразительно, и хохотали мы уже вместе.

Здесь, думаю, уместно вспомнить избитую поговорку: «В каждой шутке есть доля шутки». Я понимаю и воспринимаю её так: в каждой произнесённой речи или просто прозвучавшей фразе есть малая доля той самой шутки, которая вуалирует реальность; а вот в самой реальности – не до смеха.

Пожалуй, мне было понятно тогда, что он имел в виду. А спустя годы я убедился, что не ошибся, прочитав его последнюю прижизненную публикацию – предисловие к книге Николая Разумова «Душа моя, угомонись!..» (Александр Лейфер вместе с Сергеем Денисенко были редакторами-составителями этой книги).

Предисловие называется «Жил-был поэт». Прочитую один абзац:

«...У нас вошло в привычку, рекомендуя кому-либо ту или иную книгу, говорить: прочитайте, получите большое удовольствие. Какое всё-таки видится в этих словах отступление от тех больших мерок, которыми должно измерять настоящую литературу! Удовольствие... Да получали ли мы когда-то удовольствие (в уютном, домашнем смысле этого слова) от чтения романа «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева или рассказа «Не могу» Валентина Распутина? После знакомства с такими произведениями не заснёшь голубиным сном. Они написаны для бессонницы, для нелёгких, безжалостных (самому-то себе чего врать?) ночных мыслей».

А читал Александр Эрахмиэлович много и серьёзно: чтение было для него в основном – работа. Даже Достоевский, перечитанный на много раз, – работа. Я уж не говорю о молодых авторах... К ним он относился особенно внимательно. Талантливых молодых писателей, поэтов Лейфер чувствовал душой, нутром, мозгами. И скольким он «расчистил» дорогу в литературу, помог почувствовать себя равными среди равных! А это Вероника

Шелленберг, Дмитрий Румянцев, Катя Сычѐва, Михаил Симонов, Наталья Елизарова, Елена Чач, Иван Денисенко, Дарья Решетникова, Игорь Хохлов, Ирина Четвергова, Юлия Побоккова, Алина Василькова и многие-многие другие. Спросите любого из них: так ли это? Каждый ответит: «Так».

...Вспоминается: пришла как-то попрощаться с нами одна поэтесса, уезжавшая навсегда в Петербург, что ли. Когда-то она пришла в литобъединение ещё подростком, лет в четырнадцать-пятнадцать. Годы шли, барышня выросла, выпустила несколько книг, мы её приняли в Союз российских писателей, за это время она окончила одновременно два вуза, нашла работу в столицах. Вот и пришла сказать нам «до свиданья!» и «спасибо!». Помню, побеседовали мы минут десять, и она ушла. И вдруг Лейфер говорит:

– Ты помнишь, каким «гадким утѐнком» она пришла к нам в литобъединение? А теперь – какая стала красивая молодая женщина, а?

Думаю, ему было приятно, что к нам забегала (пусть даже «на минутку») молодая, умная красавица попрощаться и поблагодарить за бережное к ней отношение.

Вспоминаю и то, как на одном из писательских собраний Лейфер (со всей своей редко проявляемой дерзостью и даже, пожалуй, с раздражительностью) вступился за одного молодого поэта, которого некто (уже зрелый литератор) неоднократно обвинял в бесталанности, а проще – в бездарности. Вступился – будто защищал самого себя или своего сына... И вынудил оппонента замолчать (вынудил, разумеется, отнюдь не своим «председательским положением»). Я никогда его раньше таким не видел.

Думаю, тот молодой поэт на всю жизнь оставит в памяти сей случай (как знакомый росчерк пера под талантливым стихотворением)...

Недавно я услышал примерно такое суждение: «Ведь, по сути, у Лейфера не было друзей, они ему были не нужны. Ну, ребята, какие друзья?! Он был самодостаточным человеком, и Литература была его другом».

Правильно ли я понял то, что услышал? Правильно ли? Или его друзьями были только книги, литература и работа? Или он так уставал, что на друзей не хватало сил? Нет! Друзья у него были! Позволю себе процитировать фрагмент из монолога Александра Эрахмиэловича на юбилейном вечере Галины Кудрявской:

– Вот как-то я подумал, что в моей собственной жизни (а при таком цвете волос, как у меня, время от времени приходится «подбивать бабки»)… Так вот, мне кажется, что моя жизнь удалась. И во многом она удалась потому, что её так называемая «общественная часть» всегда и во все времена опиралась на хороших друзей. Что такое друзья? Это не обязательно люди, с которыми ты видишься несколько раз в неделю, каждый день перезваниваешься, обмениваешься мнениями чуть ли не по каждому поводу. Иной раз со своими друзьями я не вижу очень подолгу, но, наверное, в настоящей дружбе главное – постоянная, «подспудная» уверенность, что они есть. И вот мой друг Галина Борисовна Кудрявская – она есть! Об этом не надо даже вспоминать ежедневно. И ещё есть несколько человек, которые всегда помогут, подставят плечо…

А ещё те «несколько человек»? Кто они? Будем надеяться, что это каждый из нас.

Да, друзья были, и много (и какие!): Николай Разумов, Иван Токарев, Вильям Озолин, художник Владимир Кудряшов, Раиса Абубакирова, Елена Злотина, Эдмунд Шик, Геннадий Гаврилов, Михаил Малиновский, Сергей Поварцов, Роман Солнцев, Анатолий Кобенков и многие-многие достойные люди, которых уже нет на белом свете, как и самого Александра Эрахмиэловича. Но остались здесь те «несколько человек, которые всегда помогут и подставят плечо» тому, кто придёт на его место…

А с Анатолием Ивановичем Кобенковым была у меня такая «история». В ноябре 2002 года приехал я под Новосибирск – в санаторий «Сосновка» – на четвёртый съезд писателей Сибири. В «Сосновке» красота такая!.. Вечер, сосны, коттеджи, гостиницы, снег по колено, дорожки расчищены, а по тем дорожкам –

сплошь поэты с прозаиками прогуливаются (как сказал бы Зощенко, – «аж в морду дать некому»). А я не просто молодой, а даже самый молодой делегат. Никого не знаю. А из омских писателей, из мужиков – Сергей Прокопьев да Павел Брычков: маститые, и для меня – почти «небожители». Помню, вышел я покурить, стоят какие-то мужики, человек пять, и тоже курят. Я к ним. Поздоровался.

– Вы позволите покурить с вами? А то в номере скучно, живу один, никого не знаю.

– Да ради бога, – сказал кто-то.

– А ты откуда? – спросил один, с бородой и курительной трубкой.

– Я из Омска.

– А ты чей? – спросил тот же с трубкой.

– Что значит «чей»?

– Ну, Лейферский или чей?

– Лейферский, – говорю.

– Наш, мужики! Сашкин! Сашки Лейфера! Как звать? – спросил тот, с трубкой.

Так я познакомился с Анатолием Кобенковым. И во все дни работы съезда я общался с новыми знакомыми. Анатолий Иванович часто расспрашивал о Лейфере – о его творческой и общественной работе (эта тема была для него «злободневна»: он сам когда-то «напялил такое же ярмо себе на шею»). В тридцать первом номере «Складчины» за 2008 год Лейфер напишет о Кобенкове: «У меня есть шесть стихотворных сборников Анатолия Кобенкова: от тонюсеньких «Вечеров» (1974) – до итогового солидного тома «Строка, уставшая от странствий...» (2003) <...> Две чёрно-белых фотографии. Обе сделаны в Омске летом 1975 года. <...> Недавно у меня появились и несколько цветных фото – его могила в Переделкине, на которой я побывал в январе 2007-го». Это из очерка «Две главы». Первый называется «Твой Толька».

Вы обратили внимание на разрыв в тридцать с лишним лет: от тонюсеньких «Вечеров» до нескольких цветных фото? Этот

временной жизненный разрыв один замечательный писатель называл «трагическим щемлением». Такое трагическое щемление проскальзывает почти в каждую книгу Лейфера. Проскальзывает легко и без натуги, будто он только что рассказал тебе историю из своего прошлого. И чем старше становился Лейфер, тем трагичней становились его «рассказы».

...Давным-давно – аж в 1995 году! – в нашей «Складчине» (первый её выпуск) я прочитал стихи Кобенкова:

Это я, невыспавшийся, страшный,
не вчерашний, а позавчерашний,
проморгавший первую зарю –
забываясь, без тепла и брашна,
отчего-то жизнь благодарю.

Это мне – из замкнутого мрака,
из тщеты, из пьянобуерака,
пьянодня и пьянодекабря –
чётко вторит дальняя собака,
по-собачьи жизнь благодаря...

Это нам – неведомо откуда –
дудочка, дыхание, остуда...
Это нам припухшая заря
шлёт свое мучительное чудо,
за безумный вой благодаря...

Эти стихи сразу легли на сердце, хотя мне не было и тридцати: не один, оказывается, я такой, расхристанный и непутёвый. Откуда я мог знать, что спустя семь лет автор этих строчек будет опекать меня в незнакомой обстановке по той простой причине, что его другом был Лейфер... Когда я рассказал Александру Эрахмиэловичу об этом нашем знакомстве, мне показалось – он гордится своим Кобенковым, своим «Толькой». Смеялся и радовался чрезвычайно.

...А другой очерк назывался «Друзья мои от Омска до Читы» – по первой строчке стихотворения Романа Солнцева «Похвала друзьям»:

Друзья мои от Омска до Читы,
умеющие спичку резать волосом
на две, умеющие тихим голосом
рассеивать влиянье темноты,
я помню вас, бродяги, мастера!
Как пёс, что лезет на́ берег из озера,
я лапами сучу, ворча незлобливо,
за пишущей машинкою с утра.
Но если кто мне телеграмму даст,
куплю билет... И на лесной полянке
я плюну на бессмертье ради пьянки:
на что мне вечность, милые, без вас?
Или из вас любому – без меня?
(А все мы вместе – точно! – не бессмертны).
Налейте ж мне. А ты оставь советы,
печальный страж невечного огня!

Точно... Не бессмертны... Лейфер и Солнцев были знакомы полвека. Александр Эрахмиэлович пережил Солнцева на десять лет... Вот что написал Лейфер в конце «своего послания» к Роману Солнцеву: «Этим мне и хочется завершить очерк – малую дань благодарности человеку, так много сделавшему для меня и десятков таких, как я».

...Раньше, в студенческие времена, меня убеждали, что того писателя можно назвать выдающимся, который своим творчеством в наибольшей мере отразил свою эпоху. Всё так. Без возражений. Даже не нужно перечислять имена, нужно лишь вспомнить классиков, хотя бы на уровне школьной программы. И вот – Лейфер. Отразил ли он своей «нехудожественной прозой» эпоху?.. В последние годы он был «блогером» (сказал бы кто ему лет десять назад, что такое произойдёт, он

обматерил бы его от души, на этом бы и порешили); и за последние лет пять им написано около сотни текстов, многие из которых вошли в книгу «Блог-пост, или Кровь событий». Среди его «постов» есть один, который меня особенно трогает. Это «Марлин». Задержу ваше внимание, мой читатель, и приведу это эссе полностью:

МАРЛИН

В нескольких московских еженедельниках и в Интернете появились статьи о новом издании знаменитой, знаковой книги Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Она вышла в столичном издательстве АСТ – в новом переводе, с восстановлением купюр, с более выверенным текстом. Привлекает и то, что в подготовке издания принимали участие сын и внук писателя, которые убрали из текста пристрастную правку, внесённую в своё время четвёртой, последней женой автора Мэри, то есть представили книгу такой, какой хотел видеть её сам писатель.

В «Российской газете» рецензия её литературного обозревателя Павла Басинского сопровождается известной фотографией Хемингуэя – улыбающийся и довольный, он стоит на причале рядом с только что собственноручно выловленным и подвешенным за хвост марлином. Собственно, это даже не рецензия, а простое сообщение о книжной новинке, текст которого почти целиком состоит из цитат. Цитировать эту книгу, признаётся П. Басинский, можно бесконечно, «даже не понимая, зачем ты это делаешь. Но в этом и заключается магия автора».

Известная во всём мире книга выпущена «осторожным» тиражом – 3000 экземпляров. Топ-менеджеры мощного издательства АСТ полагают, что вряд ли «Праздник» станет популярным у нынешнего российского читателя, вряд ли попадёт в список книг, входящих в первую десятку рейтинга продаж – главного критерия современного книгоиздания. Возможно, они правы: эту книгу будут покупать прежде всего «остатки» того поколения,

которое было без ума от неё много лет назад – в середине 60-х. Принадлежу к этому поколению и я.

Хорошо помню, как все мы, воспитанные в атмосфере «оттепели», характерной повышенным, массовым интересом к литературе, зачитывались тогда Хемингуэем. Считалось за счастье иметь его чёрный «худлитовский» (то есть выпущенный в издательстве «Художественная литература») двухтомник, который вышел в 1959 году баснословным по нынешним «малотиражным» временам тиражом – 300 тысяч экземпляров и тотчас же был раскуплен. Раскованный, свободный стиль Хемингуэя, искренность, абсолютное отсутствие заигрывания с читателем, грубоватый юмор, а главное – его демократизм, его внимание к горестям и радостям обыкновенного, «маленького» человека, которое было вполне сродни традициям русской литературы, – всё это завоевало любовь нашего читателя. Подкупали и подробности личной биографии автора «Прощай, оружие!» и «По ком звонит колокол»: его личное мужество, стремление всегда быть на острие событий. Молодые прозаики учились у нобелевского лауреата искусству строить диалог, пытались с его помощью писать не только «вширь», но и «вглубь» – имею в виду его знаменитый подтекст.

В 1961-м весь мир потрясло известие о трагической гибели писателя. При тогдашней закрытости информации никто толком не мог сказать, как это случилось: одни источники утверждали – несчастный случай, другие – самоубийство. (В скобках замечу, что спор этот не прекратился по сей день, наоборот, он лишь обострился, так как недавно в ход пошла и третья версия – убийство, тщательно спланированное ЦРУ.)

В такой «подогретой» обстановке и появилась тогда эта автобиографическая, мемуарная книга, которую называют самой «хемингуэевской» из всех книг Хемингуэя. На Западе первое издание состоялось в 1964 году, наш читатель стал получать «куски» книги уже на следующий год – в «Литературке», в «Неделе», в «Огоньке». Наиболее обширная предварительная публикация состоялась в журнале «Иностранная литература». А затем

московское издательство «Прогресс» дважды выпускало «Праздник» – в 1965 и в 1966 годах. Причём в обоих случаях тираж не указывался. Вполне можно предположить, что он был достаточно велик, ни в какие международные соглашения по авторским правам СССР тогда, в разгар «холодной войны», ещё не входил, и для издательства выпуск данной книги стал и удачной коммерческой операцией.

В те годы я был ещё студентом и сбегал с лекций для того, чтобы в читальном зале старинной библиотеки Казанского университета первым взять эту небольшую, одетую в мягкую обложку книжку. Забыв обо всём на свете, я упивался этой невиданной прозой. Не помню точно, знал ли я тогда слово «эссе» (вроде бы оно вошло в наш литературный обиход немного позже), да и не до жанровых определений было мне тогда. Пленял не только и не столько далёкий и недостижимый Париж, запечатлённый на страницах «Праздника». Я почти пьянел от внешне будто бы ничего особенного не таящего в себе, доверительного и предельно искреннего повествования, с которым мудрый писатель, рассказывая о собственной молодости, обращался ко всем нам. Обращался, минуя расстояния, языковые барьеры, разницу в мировоззрении и воспитании. Он нажимал на те «кнопки» в читательских душах, которые есть у каждого, независимо от того, где он живёт, – в Париже, Нью-Йорке, под Гаваной, на Волге или в Сибири.

Читатель я уже тогда был тёртый и опытный. Поэтому, отойдя от первого потрясения, просмотрел текст ещё на раз. Теперь рядом с книжкой лежал листок бумаги, на который были выписаны доселе незнакомые мне имена. Ведь о таких, например, писателях, как Гертруда Стайн или Скотт Фицджеральд – друзьях Хемингуэя, мы впервые узнали именно из этой книги. (Точно так же, с карандашом в руке, несколькими годами раньше мы читали печатавшиеся в «Новом мире» мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» – новых для советского читателя имён на их страницах тоже было предостаточно.)

И вот предстоит новая встреча, рано или поздно нынешнее издание «Праздника» дойдёт и до Омска.

* * *

И в заключение – совершенно личное воспоминание, имеющее к предмету разговора лишь косвенное отношение. Однажды, будучи в командировке в Москве, замотанный и обалдевший от столичной сутолоки, в середине дня я зашёл перекусить в какое-то кафе на Новом Арбате. Здесь было тихо и уютно. Принесли меню. Машинально листая его, я вдруг увидел название одного из блюд: «Марлин жареный с луком и картофелем под белым соусом». Марлин!.. Именно марлин попался на крючок герою знаменитой повести «Старик и море», за которую Эрнест Хемингуэй получил Нобелевскую премию!

Стояли ещё советские «предперестроечные» времена. Как, какими путями доплыл этот марлин до кухни ничем не примечательного московского кафе, каким течением занесло его туда?! Я запивал хорошо прожаренную рыбу белым сухим вином и осознавал, что нежданно-негаданно получил мимолётный, принадлежащий только мне одному подарок. Память о котором сохранилась, как видите, и по сей день.

Месяца за полтора до смерти Александра Эрахмиэловича я позвонил ему и сказал:

– Александр Эрахмиэлович, я тут перечитывал ваши блоги, и мне захотелось написать о вашем «Марлине» нечто такое, что близко не только мне, а людям разных возрастов, но одинаковых воззрений...

Я ещё нёс ему в трубку какую-то ерунду...

– Да, это было бы интересно. Спасибо тебе за твоё внимание ко мне.

А я возьми да и ляпни:

– Я уже даже название придумал!

– Какое?

– «Старик и море» будет называться, – я имел в виду литературное море, с берега которого края не видать, и он в нём, в этом море, – настоящий, путный моряк.

– Слушай, Саша, где-то я уже такое название слышал! – и засмеялся, провоцируя хохотать и меня.

И вот теперь, мой читатель, как вы думаете: отразил он свою эпоху? И можно ли после этого эссе «заснуть голубиным сном?».

...А я даже и предположить не мог, что мне придётся говорить о Лейфере в таком безвозвратном прошедшем времени. Теперь вот подсчитываю, что с Александром Эрахмиэловичем я был знаком полжизни: мне было лет двадцать пять, когда я впервые принёс ему свою писанину. Теперь мне вдвое больше. А четверть века пролетело незаметно... И с конца июня 2017-го всколыхнулись во мне и не дают мне покоя строчки Иосифа Бродского:

Значит, и ты уснул.

Должно быть, летя к ручью,
ветер здесь промелькнул,
задув и твою свечу...

Внезапно. И как-то до сих пор непостижимо то, что Лейфера больше нет. Внезапно – будто действительно промелькнул ветер и случайно (случайно!) задул свечу...

Александру Эрахмиэловичу я стал доверять задолго до нашего знакомства, прочитав попавшую мне в руки книгу о нашей землячке Валентине Бархатовой «...Буду всегда жива». Доверять «литературно», доверять – его творчеству...

Вот выдержка из письма Вали Бархатовой к матери: «...Да, эта угроза смерти с каждой минутой тяготит. Надоело и страшно представить, что многих нет и в мире так много дураков, устроивших миру такое кровопролитие... 22–25 апреля 1944 года». Письмо было написано за полмесяца до смерти. И следом – Лейферовское: «Эх, Валентина Сергеевна!.. Горько сознавать, однако дураков на нашей земле не убавилось и по сей день. Почитали

бы Вы наши газеты, в которых слово “война” едва ли не самое часто употребляющееся, послушали бы новости. Тяжело было бы Вам и Вашим товарищам, тоже павшим за то, чтобы убить войну навсегда, узнать об этом...»

Ну как этому не верить, как не доверять – мне, двадцатидвухлетнему пацану?! А ведь это говорит девятнадцатилетней девчонке сорокапятилетний мужик, обращается к ней «на Вы» и величает Сергеевной. Почему так происходит? Потому что Валентина Сергеевна для автора не девчонка, а пример для подражания и человек, проживший не девятнадцать лет, а гораздо больше: столько, что и представить-то невозможно. Поэтому и преклонение перед героем (не только литературным).

Впоследствии я понял, что те ценности, которые Александр Эрахмиэлович отстаивал в своих произведениях, сродни ценностям, коих он придерживался и в частной жизни, и в отношениях с людьми, его окружающими: доброта и внимание, неравнодушные и отеческая забота о каждом из его коллег, будь то начинающий автор или уже сложившийся маститый литератор...

Забота о каждом... Мне, например, всегда казалось, что Лейфер проявляет ко мне особое внимание и заботу. Ну вот казалось!.. Уверен, то же самое испытывали многие, если не все, из писательского братства, кто был с ним знаком и кому посчастливилось работать под его началом. Это особое, редкое качество человека, когда в нём нуждаются многие (и каждому кажется, что именно к нему он проявляет участие в первую очередь).

Вспоминаю один случай... Как-то я спросил Лейфера, не пора ли мне писать заявление в СРП: мол, старшие коллеги советуют, ну и прочее. «Подожди немножко, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты в Союз – как нож в масло вошёл». Я его тогда не понял, промолчал. И стал ждать... А потом был Дом творчества писателей в подмосковной Малеевке, где приём в СРП – напрямую, минуя региональные «бумажные» дела.

...Литература была для него поприщем святым, и пошлость на этом поприще – неприемлемой. Пошлость вообще явление для

него инородное. Вспомним историю из книги об Озолине, когда Вильям с возлюбленной (бесприютные!) оставались в квартире Лейфера (он им её предоставлял), а сам Лейфер до утра коротал время на железнодорожном вокзале. Там он, чтобы подкрепиться, брал в буфете щи, бутылку сухого вина и так ждал рассвета. Когда утром приходил домой, гостей уже не было. Пол был чисто вымыт, а в «знак благодарности» на столе стоял стакан «Каберне», накрытый салфеткой... В книге Лейфера «Мой Вильям» – фраза (лирическое отступление): «Прошло уже столько лет, но почему я до сих пор помню все эти пустяки: щи, “Каберне”, чистый пол?..». Согласитесь, отсутствие «клубнички» не разочаровывает. Её даже и не может быть. Повторюсь: пошлость – это не про него.

...Один весьма уважаемый человек сказал о Лейфере: «Александр Эрахмиэлович был удивительным человеком. Поражаешься, как он мог всё успевать: его общественная деятельность, извечные проблемы с финансированием на очередную “Складчину”, работа с авторами, собственный литературный труд и многое, многое другое. Но, несмотря на всё вышеперечисленное, он был неисправимый идеалист и романтик».

Идеалист и романтик!.. Как-то Александр Эрахмиэлович сказал по поводу нашей (омской) региональной молодёжной литературной премии имени Ф.М. Достоевского: «Почему бы и не помечтать?! Может быть, среди её лауреатов рано или поздно окажется такой автор, который потрясёт читательские души с не меньшей силой, чем это делал и делает великий художник, чьё имя с немалым почтением и трепетом носит наш конкурс»... Кстати, премия Достоевского выживала исключительно благодаря Лейферу. Только представить: двадцать лет (срок – космический по нашим временам)!.. В двадцатый раз премию вручали уже без него...

И, пожалуй, не менее важное: разгадать замысел Бога (вот так, без кавычек). О вере. Лейфер довольно часто говорил, что он атеист, или, по крайней мере, если ты атеист, то старайся

говорить это тише. Не потому, что боишься: а вдруг Там Кто-то есть и может настичь кара, – а потому что не хочется спорить. Спорами ничего не добьёшься, да и скучно это...

Приведу слова Геннадия Фридмана из книги Александра Лейфера «Разгадать замысел Бога...»: «Когда-то давно мой папа сказал мне, что Всевышний выделил среди всех людей особые группы: одна – коэны, а другая – левиты. Коэны – это те, что служили в Храме, это те, через кого Создатель доносит до человечества свои послания. А левиты – это те, кто помогает коэнам и защищает их. “Мы с тобой не коэны, – сказал мне отец, – мы левиты. Но это тоже очень важно”».

А я всё думаю: кем же был Лейфер – коэном или левитом? А может ли быть такое, что и тем, и другим? Впрочем, важно ли это? Зато мы знаем, кем был Александр Эрахмиэлович Лейфер для родного города, который он обожал, для родного Омска, в котором он родился, вырос, жил, работал...

Однажды и давным-давно при каком-то незначащем разговоре Лейфер сказал мне:

– Понимаешь, тут вот какое дело: стать хорошим писателем гораздо легче, чем оставаться порядочным человеком. Мне об этом когда-то говорил Вильям Озолин. Теперь я говорю это тебе. Не потому, что я торжественно передаю эстафету, а так – на будущее.

Я всегда помню эти слова. Не потому, что они – «эстафета». Они – нечто большее для меня. Я даже не знаю – что...